

[illegible]

E-mail: kosvladan@mail.ru

хоральные акапельности – всё это способы и средства выстраивания религиозного миропредставления, его герменевтических логосов и тактических логопедий ораторствующего Духа.

Вместе с тем, как нам представляется, одним из весьма индикативных способов религиозного «смысловыражения», вестником его мировоззренческих артикуляций выступают «рифмосплетения поэтических од Богу и Вере», взволнованно и концентрированно наделяющих религиозность статусом экзистенциальной реальности, которая эманурует внутри себя «стихиями переживаний», нуждающихся в образной огранке для «верующих и страждущих». Поэтическая речь, при всей её кажущейся концептуальной сбивчивости и лирико-драматической флюидности, на самом деле, является весьма репрезентативной «содержательной формой» проповеднических усилий, наделяя последние той «жизнью Слова», которые суггестивны для (вос)приятия и креативны с точки зрения возбуждения сознания к откликам на не клишированные мыслеобразы сакрального словаря. Поэтические опыты религиозной направленности могут быть рассмотрены в качестве неординарных носителей духовных откровений, органичных субститутов проповеднической риторики, образных цитат ортодоксальных архетипов, «местом Встречи» профанных и храмовых контекстов бытия веры, сродственности мирян и клира...

В этой связи, было бы интересно взглянуть не только на «хронотопы оглавления» сборников религиозных стихов, их «геодезию построения тематических спиралей», но и на содержательные пазлы диалектических состыковок брэнной посюсторонности с зовами абсолютной Вечности. Взяв в качестве «литературного источника» один из таких (коллективных) сборников [1], мы сразу же обращаем внимание на демонстративную «анонимность» его «авторского состава», что (скорее всего) объясняется стремлением (столь же анонимных) «редакторов» подчеркнуть приоритет «Духа» перед «буквой», (за)фиксировать «боговдохновенность» поэтических высказываний, их прозелетическую интенцию, которая не должна «отвлекать Разум» реципиента на «эстетические авторитеты» и вкусовые пристрастия культурно-исторической эрудиции. Смысл важнее сказующего... Последний во многом факультативен для проповеди. Проповедь и научный диспут – это «разные оперы» обоснования Смысла...

Далее обнаруживается несколько неожиданное быто-бытийное наслоение «новогодней календарности» (как «точки отсчёта» для дальнейших духовных путешествий), «сакральной хронологии» двенадцатых христианских празднеств и молитвоподобных томлений, подключающих (верующего) человека к дантовым кругам преткновений Судьбы Богочеловека. Бог «даёт знать о себе» уже в Новогоднюю ночь, ибо в этой земной паузе замешательства времени, в момент дорождественской временности, Мир взыскует «обновления Вечным»; нуждается в «лицезрении Лица»; тревожно-дрожно задумывается над «эсхатологическими финалами» своего жизненного удела. Следует (как бы) синхронизировать Божественное и Космическое измерения бытия, «пред-упредить» верующего человека о (почти пантеистической) пронизанности всего Сущего «вездесущими известиями о Творце», обозначить «вечно-мгновенные перекрестки и рубежи» наших бытований, их подсудность последней ответственности.

«...Вот Новый год стучится у порога. / Ещё одна потушена свеча, / Ещё одна зажглась рукою Бога»... // «Уходит год! Последние минуты / Уходят безвозвратно... навсегда. / О дни мои! Как быстро вы прожиты! / Умчались в вечность, как в реке вода»... // «Мы на земле транзитом – пассажирами, / Всё ближе цель – недолго нам скитаться. / И скоро завершим мы, финишируя, / Последний год и круг своих дистанций»... // «И станут мгновения судьями / За всё, что могли и не сделали, / За праздники наши и будни, / За наши одежды не белые» [1, с. 18, 13–14, 15, 17]. (Здесь и далее курсив при цитировании везде наш – В.К.)

Парадокс, однако, состоит в том, что Творец, с одной стороны, для каждого (отдельного) человека есть безусловная «априорная уже-данность», а с другой стороны,

«ещё (только) предстоит» Миру (в целом и, в частности) в опытах (со)общения с Ним через соучастие в Его назревающей «земной биографии». Рождество – Крещение – Вход в Иерусалим и Страсти Христовы – жертвенная Смерть на Голгофе – Пасхальное Воскрешение – Вознесение – Троица (сошествие Святого Духа на избранных) – Преображение (не только избранных): таковы пространственно-временные «центры» божественной драмы и её параллельных поэтических гимнов и пьет. Причем, наибольшее число страниц в этой бытийной истории Творца отведено Голгофе (!), как «зоне перехода» от земных мытарств Богочеловека в «ветхом мире» человеческих грехопадений к «новой эре» искупающей жертвенности; от теории к праксису Спасения; от притчевого диссидентства увещающих иносказаний к подвигу покаяния Смерти в черных дырах смертности.

«Ликуй, Земля! Из лабиринта / Греха, нужды и суеты / Отныне в вечность дверь открыта, / В обитель божьей чистоты» ... // «Он пришёл разбить оковы, / Разбудить того, кто спит. / Он пришел Заветом Новым / Смерть навеки победить» ... // «За всё человечество Кровь пролилась / Ценой искупленья бесценной, / Голгофа над грешной землёй поднялась / И сделалась Центром Вселенной! / И, всё расширяя объятья свои, / Во всей мировой круговерти, / В веках Крест Голгофский стал осью земли, / Чертой между жизнью и смертью!»... // «Его святое воскресенье / Приговорило к смерти смерть; / И слышал ад в оцепененье: / «Спасённых брать к себе не сметь» [1, с. 32, 50, 144, 159].

Вторая часть сборника христианских стихов «возобновляет» разговор о Творце и творении, о Боге и человеческом присутствии в сотворенном бытии, с акцентом на теме «встречного Пути», который должен (со своей стороны) пройти человек, «признавший Творца» и жаждущий осмысленного существования перед лицом «воплотившейся Вечности». При этом, сама «коммуникация» между Богом и человеком оказывается извилисто антиномичной, полной страхов и опасений, перегруженной сомнениями в способности «праха земного» осилить «абсолютный пример» Творца без Его милосердной поддержки. Отныне «голгофит» самого человека...

«Я живу в коротком промежутке – / Радость жизни душиет смерти страх. / И порою мне представить жутко, / Что я прах бездушный, только прах!» // «Христос и я – два полюса далеких... / Он свят. Он чист, как белые снега. / Моя душа страдает от пороков. / Осмелюсь ли на святость посягать?»... // «Он терпелив – во мне терпенья крохи, / Горит огонь в Нём – в моем сердце лёд, / Дарит Он радость, я – печаль и вздохи, / Он – над землей, мне недоступен взлёт»... // «Мой каждый шаг творит мою судьбу. / Иду к Тебе с повинной головою. / Благослови, Господь, начать борьбу, / Борьбу тяжёлую с самим собою» [1, с. 368, 494, 495, 353].

В то же время, (здесь же) предельно обостряется проблема «веры в существование Творца», поиска «зримых свидетельств» Его присутствия в Мире, расширенное воспроизводство (не канонических) «философских доказательств бытия Бога», апеллирующих либо к «наглядности» земной оптики «зрения», либо к светонесущим волокнам рассудочного «умозрения». Поверхность ищет «глубины на поверхности»! «Взгляд искоса» вступает в конфликтные ристалища с безусловностью магдаленовской самоотдачи. Фома торжествует над слезами скорби. Проступает феномен «веры с одышкой»! Или всё-таки вера «до конца»?

«Можно ли умом постичь суть Бога, / Разумом исследовать Творца, / Встретить дух на неземных дорогах, / Чтоб узреть черты Его лица?»... // «Не увижу – значит не поверю! / Убедительно, логично, но, увы! / Это просто логика сомненья, / Логика апостола Фомы. / Что ж! Живи по этому закону: / Что не видишь – отвергай, круши. / Но скажи: обыкновенный воздух / Видишь? Нет? Так, значит, не дыши»... // «Я не знаю, какой Ты, подобен кому, / С кем сравнить тебя здесь я посмею; / Не под силу Твое проявление уму, / Лишь одно, что я делаю – верю» [1, с. 216, 226, 461].

Попутно обнаруживается и происходит нечто относительно странное. Человек начинает обращаться к себе словно... «уста́ми Бога изнутри»; его (личная) речь теряет «субъективные

очертания» и все более выглядит как интериоризованный «голос Творца», суфлируемый этикой сердца, насыщенного свершающимися самоопределениями, на фоне отмечаемых страстей и их (тьмы) темных соблазнов. Смерть становится... победной реляцией духовного прозрения и «живой метафорой» грядущего перерождения. Интенсивность самоосуществления превращается в «бытийный заказ» (самого) Творца!

«Хорошо знать о свете, / Лучшие ходить во свете, / А наилучше – самому быть светом»... // «Нет! Не жалею веселия земного! / Беги от ига знойного страстей! / Тьма ждет тебя и погубить готова. / О, не стремись к отверженному снова, / К теплу обманчиво мерцающих огней!»... // «Не бойся умереть. Боятся разве зерна / Пшеницы или ржи, когда для них земля / Могилой станет? Кротко и покорно / Они умрут, чтоб вновь цвели поля!»... // «Успеть свершить благое дело, / Кого-то ободрить в пути, / В дом, где от скорби потемнело, / Успеть бы вовремя зайти» [1, с. 401, 215, 326, 337].

Ну и, конечно же, «божьи» ориентирами на пути к «последнему (вечному) приюту» райской подлинности оказываются «Вера, Надежда и Любовь», спасающие от бездн уныния, от капитуляций «стенаний Иова», от меркантилизма бартерного обмена «формальными любезностями» ритуальной религиозности. Но главная среди них – смиренная и благодарно-благодатная Любовь!

«Утром оправдается надежда, / Вера всё увидит и умрёт. / А любовь, сильнее став, чем прежде, / Двух сестер своих переживет»... // «Любовь всегда и всё прощает, / Она надеждою живёт, / Плохое вечно забывает / И впредь хорошее лишь ждет» [1, с. 548, 556].

И всё же, опять и снова. Спираль разговора на темы Вечного (и Вечности) причудливым образом... лейтмотивит и (проповеднически!) «закругляется» в поэтическом сборнике (а, возможно, и в обыденном жизнестроительстве «повседневного» человека) вопрошаниями о «ценности человеческого» для Творца. Самому человеку эта ценность неочевидна, она мнится ему (вечно) незаслуженной, проблематизируемой «кризисами веры» и трагической неспособностью «не грешить». Человек лукавит в отношениях с собственной временностью, ибо («всёвременно») потакает (дьявольским) искушениям (лениво) уповать на благодать божьего «все(х)прощения».

«Бог простит – никуда Он не денется...» / Сатана вам внушил этот бред. / Коль вы живы – то можно надеяться. / После смерти спасения нет»... // «Смерть вторая – огонь и мука / После праведного суда. / Смерть вторая – с Творцом разлука, / Как написано, навсегда»... // «Но что имеешь Ты во мне, мой Бог? / Мои молитвы – только стон и слезы, / Любовь моя, как пена на волне, / дела мои – ... шипы лишь, а не розы»... // «Наша молитва – то вопль покаяния: / Грех искажает в нас образ Предвечного... / Наша молитва – то сердца искания / Высшего доброго, светлого, вечного!»... // «Научи меня, Боже, мудрости, / Из Твоей что исходит вечности, / Чтоб духовной не знал я скудости, / Чтобы дни не провел в беспечности».... // «Чтоб каждый камень на пути, / И каждый шип, и каждый узел / Мне помогал к Тебе дойти, / Не расширял мой путь, а узил» [1, с. 209, 211, 447, 517, 473, 519].

В этой связи, (итоговым) риторическим формообразованием религиозной поэтики проповеди становится Молитва, как «словопрение» уст Творца и уз сотворенного! И сама Проповедь архитектурно выстраивается как Молитва, которая догматически и (по)этически обжигает напоминанием о том, что «Всё Всегда Навсегда»! Проповедь обретает патетику «славословия», земное и божественное начинают торжественно соитствовать в Духе, а душа верующего опознает себя в ритмах «речи образов»...

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник христианских стихов. Т. 1. – Мн.: Белорусский Дом Печати, 1997. 608 с.